

М. К. Гаврилова

ЯКУТИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

(глава из книги «Моё поколение с обожжёнными крыльями»)

1

Как пишут во многих воспоминаниях, день 22 июня 1941 г. запомнился ясным и солнечным. Это было, по-видимому, по всей стране. Был ярок он и в Якутске. Мы жили тогда почти за городом, в частном секторе по 4-ой линии (это сейчас район ул. Жорницкого). С утра ничто не предвещало чрезвычайного. Был хороший воскресный летний день. Хозяйка наша, Татьяна Михайловна Харинова, уехала на Вилюю за вещами; до этого они жили в с. Малыкай, на промыслово-охотничьей станции от «Холбоса», где Яков Петрович был бухгалтером. Дядя Яша ушёл с утра в город в гости к родственникам. Дома остались моя мама, я и хозяйские дети Тамара и Вова. Радио тогда в домах было не везде, а телефон тем более.

День прошёл как обычно. Поиграли, пообедали, поужинали. Яков Петрович не возвращается. Подождали, легли спать. Летом «по-дачному» спали под крышей на чердаке. Дядя Яша пришёл поздно, поднимается по лестнице, стучится: «Мария Фёдоровна! Война!».

Пошли ночи, полные лая собак. Это разносили повестки из Военкомата. Мужчины посёлка-новостройки, все в расцвете сил, были мобилизованы в первые же дни. У соседей справа, Тирских, остались дедушка, невестка и маленькая дочурка; у соседей слева, Тетериных, – жена и два мальчика.

Между нынешней улицей Жорницкого и дорогой на аэропорт был большой огороженный пустырь, который и до войны назывался «военным лагерем». Вот тут и был сбор будущих фронтовиков. Так как это было совсем рядом с нашими домами, то мы целый день проводили здесь, разыскивая знакомых. Однажды мама встретила поэта Кудрина-Абагинского, которого провожала жена.

Проходило комплектование подразделений, шла переключка, строились, маршировали. В перерывах шли к семьям, которые терпеливо ожидали по краю поля у кустарника. Поражало полное спокойствие: никакой паники, истерики, слёз. Все были уверены, что это какое-то недоразумение, что скоро всё кончится и все благополучно вернутся. Ночью снимались и шли колоннами на пристань, грузиться на баржи. Многие, конечно, так и не увидели больше Якутска и своих родных.

По официальным данным, в 1941 – 1945 гг. из Якутии было мобилизовано 62343 человека, 37965 человек (61%) были убиты или пропали без вести. В первый год брали на фронт поголовно, в последующем появились «бронь» для партийных работников, учителей, геологов, жителей северных районов и других категорий населения.

Не пригодных к военной службе «белобилетников» военкоматы стали брать на «трудовой фронт», в том числе мобилизовывали и женщин. Их отправляли на оборонное строительство аэродромов и пристаней, на грузопогрузки в морской порт Тикси, на рыбозаводы в Булунский район и другие места, на угольные шахты Сангар, в леспромхозы Олёкминского и Ленского районов, на аэрогеодезические и геологические работы. Мно-

гие родственники моего мужа, проживавшие в Усть-Алданском районе, в том числе его тётя Горохова Мая, были отправлены на рыбную ловлю по р. Алдану. Два его брата, заболевших после рыболовства, были отправлены на лесоповал в Южную Якутию, откуда вернулись еле живыми.

Проходит 3 – 4 месяца – война не кончается. Фашисты захватывают город за городом. Зимой пошли первые «похоронки». В нашем доме («общезитие учителей» по ул. Петровского, 11) первой такое извещение получила семья Дьяконовых. Их сын Борис, талантливый студент-математик, погиб на поле брани, но мать до конца жизни ждала его. Однажды утром принесли извещение семье Кузьминых. Пожилая пара отправила на фронт единственного сына, многообещавшего учёного, заместителя директора Якутского пединститута. Мать сразу лишилась сознания. Отец, бухгалтер, уже ушел на работу. Соседи обсуждали, как ему объявить о случившемся. Но опередили дети: только старик вошёл во двор, они всё и выпалили.

У наших хозяев Даниловых три племянника ушли на фронт одновременно, похоронные на них тоже пришли вместе. Мать их, казалось, не воспринимала этого. Я водила её в военкомат для уточнения пособия. Кстати, один из них, Алексей Попов, только что окончил театральную студию при Якутском драмтеатре. Он был первым мужем танцовщицы Марии Птицыной, матери будущего главного балетмейстера Якутского театра оперы и балета. И хотя отцом ребёнка был педагог музыки Андрей Филиппович Костин, мать дала сыну имя погибшего воина – Алексей Попов. Под Сталинградом был убит племянник моей мамы Гаврил Дмитриевич Дубинский (Харитонов), активист Намского улуса.

В городе начали заканчиваться продукты. До 22 июня в магазине по 3-ей линии (в будущем – известный магазин на ул. Жорницкого) все стены от пола до потолка были уставлены крабовыми консервами в голубых банках («Снатка») – никто их не брал. Через несколько дней всё прилавки опустели.

Ввели карточки разного вида и калибра: «рабочие», «служащие», «иждивенцы», «детские». Нормы на хлеб, крупу, сахар и др. в течение войны менялись, конечно, постепенно снижаясь, а иногда карточки и не отоваривались. Но главная проблема была с хлебом. Необходимость в нем была каждый день, поэтому за ним всегда большая очередь. Вначале раздачу хлеба пытались организовать по учреждениям. Затем стали прикреплять в магазины по месту прописки. Мы отоваривались почему-то не в ближайшем магазине по 3-ей линии, а в дальнем – в магазине по дороге в аэропорт. К концу войны открылось снабжение по чинам и ведомствам. Лучше снабжались, конечно, магазины партийной верхушки, Рыбтреста, Якутзолота, Ленского речного пароходства и др.

За хлебом ходили в основном школьники (родители были на работе). Самым вожделенным было получить маленький добавочный кусочек – «довесок». Его можно было с чистой совестью съесть по дороге домой. На довесок надеялись и опухшие от голода люди без карточек, в основном из районов, скромно стоявшие у прилавков и даже не попросившие, а молча надевавшиеся на понимание. Но довески были дороги и нам самим.

2

Зиму 1941/1942 г. пережили более или менее. Сельчане зарезали последний скот. На базаре можно было ещё купить мясо и масло. Однако война всё не кончалась. Летом разразилась страшная засуха. Нормы уменьшились. Мама оказалась на работе в артели, где занималась переработкой овощей, видимо, для столовых. Директор Сухушин разрешил работникам брать зелёные листья капусты. Мама варила из них щи. Заглядывавший к нам полуголодный мамин родственник Конон Харитонов, после войны с благодарностью вспоминал эти супы, говоря, что было очень вкусно.

Во вторую зиму начался голод в районах. В городе всё-таки были карточки, а в сельской местности – ничего. Беспаспортная система колхозов не разрешала жителям уходить в город. На западе страны голод был больше в городе, в деревнях всё-таки были огороды и кое-какая живность. Обычно городские отправлялись в село помянуть вещи на

ЯКУТИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

продукты, но в Якутии огородничество не развито, подножного корма не было. Осенью ещё ставили силки на зайцев, да ловили карасей, но к зиме стало совсем туго. В колхозных складах было зерно, но его не разрешали выдавать, хранили для весенней посевной. Выдача грозила тюрьмой («разбазаривание социалистической собственности»).

В 60-х годах в Институте мерзлотоведения, где я работала, появилась техничка в летах Мария Васильева, родом с Вилюя (была даже в родстве с видными партийными деятелями Г.И. Чиряевым и А.И. Седалищевым). А история её была такова. Во время войны она работала кладовщиком в колхозе. Начался голод. Председатель распорядился выдать людям по мисочке зерна. Кто-то пожаловался. Нагрянула ревизия, обнаружили недостачу. Председатель отказался от своих слов – никаких письменных подтверждений не было. Остальные промолчали. Марии дали 20 лет и отправили на прииски Алдана. Как раз в 1962 г. кончился её срок. Она доехала до Якутска, на родину возвращаться не хотела – очень обижалась на земляков.

Зимой 1942/1943 гг. в нашей полукомнате по ул. Петровского, 11 однажды появился подросток Тихон Колодезников, внучатый племянник мамы из Намского района. Он рассказал: отец и мать в одночасье умерли от голода (в последние дни лежали совершенно опухшие), младших сестру и брата отправили в детдом, а он убежал и пришёл сюда пешком. Мама оставила его у нас, несмотря на осуждение знакомых: «Сама сидит впроголодь, да ещё взяла парня». Но добрая мама иначе не могла поступить.

Тихон прожил у нас как член семьи 10 лет, учился в школе, работал препаратормом в Институте биологии ЯФ АН СССР, хорошо зарекомендовал себя в экспедициях. Затем ушёл в армию. После демобилизации с двумя товарищами откликнулся на призыв «великой стройки» Братской ГЭС. Стал буровым мастером высокого класса. Товарищи вернулись потом в Якутию, а он остался в Братске, женился на девушке из Удмуртии, построил дом, воспитал двух детей (дочь и сына). Умер в 80-х годах, семья осталась жить в городе своей молодости.

После войны мы разыскали младших сестру и брата Колодезниковых – они приютились в Тулагино-Кильдемцах. Обзавелись семьями. Сестра Татьяна умерла где-то в начале 70-х годов. Брат Афанасий Афанасьевич Колодезников – знатный механизатор-картофелевод совхоза «Маганский» – дожил в благополучии до 2002 г.

Голод в Якутии в военное время сильно подорвал численность якутского народа. По предварительным расчетам в Якутии от голода во время войны умерло примерно 69 тысяч человек, т.е. даже больше, чем было призвано в армию. Таким образом, потеря людей в тылу республики была почти в два раза больше погибших на фронте. Если по переписи 1939 г. численность якутов составляла 413115 чел., то в послевоенные годы она уменьшилась до 300 тысяч, или снизилась более чем на 100 тысяч. И лишь в последние годы, т.е. через полстолетия, она достигла довоенного уровня. Считается, что в Белоруссии, где шли жаркие бои, в Великую Отечественную войну погиб каждый 4-й житель. Но это же произошло и в далёкой от фронта Якутии (кстати, и у немцев погибло на фронте примерно 50% населения).

По подсчётам Н. Дьяконова (Саха Сирэ, 19 мая 1944 г., с.3), наибольший голод был в 1941 – 1943 гг. Тогда, например, по Вилюю погибли более 7 тыс. человек: Сунтарский р-н – 2631, Нюрбинский – 1154, Верхневилуйский – 1514, Вилюйский – 1737. В Центральной Якутии смертность была ещё выше. В некоторых населённых пунктах люди умирали сотнями, хоронили их в общих ямах. Но всё это было под строгим секретом.

Рождаемость в Якутии во время войны, естественно, снизилась (в 3 раза). Но велика была смертность и среди родившихся детей. Так, до 1944 г. в возрасте до 5 лет умерло 45,5% детей, при этом среди них до 1 года – 54,3%. Я помню, что смерть грудных детей в знакомых мне семьях была тогда довольно обычной, всё это воспринималось естественным и не вызывало больших эмоций.

Как всегда, во время войны увеличилось число инфекционных заболеваний: дифтерит – в 1,5 раза, скарлатина – в 2 раза, сыпной тиф и коревая краснуха – в 3 раза (последней переболела и я), цинга – в 9 раз. Но особенно свирепствовал туберкулёз. Не было ни одной семьи, где кто-нибудь не болел этой болезнью. Попала в их число и моя мама.

6 января 1942 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока». По всему Северу были созданы рыбзаводы, но кадров не было. Решающей силой явились «трудовики», эвакуированные, переселенцы и заключённые. В Якутию с запада было переселено 6 тысяч человек. В основном это были переселенцы с Прибалтики – «ненадёжные» представители буржуазии и интеллигенции, депортированные в течение 48 часов вместе с семьями при присоединении к СССР территорий Латвии, Литвы и Эстонии.

Вначале их называли «поляками», а затем «литовцами». Во дворе дома по ул. Петровского, 11, где мы жили, был полуразвалившийся одноэтажный дом. Здесь размещался какой-то штаб или жил староста переселенцев. Во всяком случае, в этот дом потянулись какие-то люди в несколько необычных европейских одеяниях. Особенно нас, детей, поражали ватные подплечники (то, что обычно сейчас), делавшие плечи «как доски». Потом эти люди исчезли.

Судьба прибалтийских переселенцев была тяжёлой. К осени их погрузили на баржи и увезли на Север. Но там уже начиналась зима. Выбросили на берег – ни домов, ни продуктов, никто их там и не ждал. Местные власти даже не были предупреждены. Больше повезло тем, кто оказался близ каких-то жилищ. Местное население как-то поддерживало их. Помогало построить жильё, научило охотиться, рыбачить. Вынужденные переселенцы остались навсегда благодарны якутам. В Литве и Латвии в музеях народного быта под открытым небом построены якутские юрты как тип жилища определённого периода жизни прибалтийцев.

В наихудшем положении были люди, оказавшиеся в пустынных местах. Кое-как вырыли землянки. Холод, голод и болезни начали косить людей. При этом нужно было выполнять план по рыболовству. Но это же была интеллигенция, которая не то что ловить рыбу в студёной воде, но и гвоздь забить не умела.

Бывший секретарь обкома партии Андрей Иванович Захаров рассказывал, как однажды он был послан в командировку в Булун. Из-за отсутствия погоды остановились в каком-то поселении. Это был лагерь прибалтов. То, что он увидел, привело его в ужас: жалкое подобие жилищ, а в них лежали люди, не в силах встать. Весь двор был в «поленницах» трупов. Несколько бывших коммунистов скрывались. Захаров провёл экстренное заседание партячейки, разработал план выживания. На следующий день с ближайшей метеостанции под дулом пистолета заставил дать радиogramму в обком.

В таком же положении оказались и участники «чурапчинской трагедии». В народе недаром говорят: «Беда одна не ходит», «Беда пришла – отворяй ворота». В годы войны, в 1941 – 1943 гг., в Центральной Якутии разразилась сильная засуха, начавшаяся, по существу, в 1939 г. Особенно пострадал Чурапчинский район – пересохла озёра, нечем было поить скот, начался падеж. Пользуясь постановлением СНК и ЦК ВКП(б) о развитии рыбных промыслов на Севере, правительство решило переселить чурапчинцев вместе со скотом в Кобяйский, Жиганский и Булунский районы. Сказано – сделано. Гибель началась уже с бестяхского берега, где люди находились в неизвестности несколько недель. Их, как и прибалтийцев, выбросили в низовьях р. Лены уже в начале зимы без пищи и крова. Из переселённых в 1942 г. 5318 человек, вернулись на родину в 1944 г. менее 3000, 44% переселенцев умерли. Из больших семей остались живыми единицы. Среди моих знакомых это Ирина Оконешникова и Григорий Пудов из Института мерзлотоведения, известный художник, детдомовец Афанасий Мунхалов и другие.

Впоследствии во всех этих безобразиях стали винить ОК ВКП(б) во главе с I секретарём И.Л. Степаненко и Наркома земледелия, а также бывшего секретаря Чурапчинского РК ВКП(б) Н.Н. Барашкова.

Впервые фамилию Степаненко я услышала в 1942 г. от жившей в нашем доме учительницы Е.Д. Прокопьевой. Она часто рассказывала о своём балованном ученике начальных классов Вове Степаненко, сыне большого человека. «Я сказала его матери, – говорила она, – чтобы она не давала ему в школу роскошных завтраков. Все дети собираются вокруг него и глотают слюны. Валентина Мефодьевна была, конечно, недовольна. Но всё-таки завтраки стали скромнее».

ЯКУТИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Сам Ион Лукич Степаненко был, по-видимому, противоречивым человеком. Близкие окружающие характеризовали его исключительно как работающего и скромного человека. Но всё-таки как человек приезжий он, по-видимому, мало знал республику и не вникал в особенности сельской жизни. Когда председатели колхозов стали докладывать о начавшемся голоде в районах, Степаненко не верил и говорил: «Пусть держат свиней и кормят их отходами». Но якуты никогда не занимались разведением свиней, да и какие могут быть отходы, если нечего есть людям.

Сигналы о голоде расценивались как панические, подрывающие устои социализма. «Какой может быть голод при Советской власти» – говорили руководители республики. За время войны в Якутии были осуждены 53938 человек «за вредительство» – председатели колхозов, сельсоветов, бригадиры, сборщики колосков, «отлынивающие» от работы, в том числе опоздавшие и др. Большинство из них не вернулось домой.

Следует признать, что работа И.Л. Степаненко I секретарём Якутского ОК ВКП(б) попала на самый тяжёлый период в жизни республики. Ион Лукич вступил на должность в январе 1939 г., т.е. вскоре после разоблачения «врага народа» П.И. Певзняка, бывшего секретаря обкома. Не успел он вникнуть в дела, как нагрянула война. Тут подоспели и засухи 40-х годов. В то же время, при отсутствии кадров, Центр требовал обеспечения золотом и рыбой. Поневоле растеряешься.

В апреле 1943 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об ошибках в руководстве сельским хозяйством Якутского обкома ВКП(б)» за подписью секретаря ЦК А.А. Андреева. В постановлении говорилось, что из-за неправильных действий руководства, в республике резко сократилось (почти в 3 раза) поголовье скота (но это можно и понять в условиях военного времени – подъедали), в выращивании зерновых внедрялись более теплолюбивые южные культуры (пшеница и овёс) вместо проверенных скороспелых (ячмень и рожь), в холодные арктические районы насильно вменялось полеводство и т.д.

В записке на имя А.А. Андреева, Г.М. Маленкова, А.С. Щербакова уполномоченный ЦК, организатор Управления кадров ЦК ВКП(б) Репин указывал, что И.Л. Степаненко запутался в делах сельского хозяйства; I секретарь обкома ВКП(б) и председатель Совнаркома не знают сельского хозяйства и животноводства республики, редко бывают в районах, плохо связаны с районными работниками. Имеется пренебрежение к национальным кадрам. Так, из 45 членов пленума обкома партии только 11 – якуты, в Якутском горкоме партии на 20 человек – 1 якут, депутатов горсовета 69, из них якутов – 3, из 17 замнаркома – 3, из 7 членов коллегии наркомторга – 4 русских, 3 еврея, в Госплане из 21 ответственного работника нет ни одного якута.

В результате с работы были сняты: I секретарь ОК ВКП(б) И.Л. Степаненко, председатель Совнаркома В.А. Муратов, зав. отделом обкома Маркеев, нарком земледелия Анашин, секретарь горкома ВКП(б) Артемов, редактор газеты «Социалистическая Якутия» Родохлеб, ответственные работники В. Имулин, Н. Морозов, В. Смоляников и др.

I секретарём Якутского обкома ВКП(б) был избран приезжий русский Г.И. Масленников, а председателем Совнаркома – местный якут И.Е. Винокуров. С тех пор в руководстве республики обязательными стали 1 якут и 1 русский (обычно из приглашённых).

Пленум обкома ВКП(б) от 24 – 27 мая 1943 г. произвёл большой эффект на жителей Якутии. Оживилась работа на селе, резко снизилась смертность в районах. Когда вышеуказанные товарищи уезжали, то в городе рассказывали, что кузова машин были увешаны колбасами (тогда ездили и через Алдан), что, конечно, производило большое впечатление на полуголодных якутян.

И.Л. Степаненко с семьёй улетел самолётом с одним чемоданом в Москву. Там он был назначен на короткое время I секретарём Брянского обкома ВКП(б), затем работал в райкомах партии г. Москвы. Умер он 30 июня 1965 г., похоронен на Новодевичьем кладбище, там же похоронена и его жена. Их сын, Владимир Степаненко, сейчас уже пожилой человек, проживает в Одессе, есть ещё дочь. В Якутске остался и работал здесь долгое время двоюродный брат Иона Лукича Григорий Акимович Степаненко, когда-то вызванный им, начальник одной из снабженческих организаций геологов. Одна его дочь, Галина,

работала картографом в Геологоуправлении и в Институте мерзлотоведения. Вторая, Людмила, была первой женой известного якутского танцора и балетмейстера Геннадия Баишева, имеет от него дочь.

3

1 сентября 1941 г. я пошла в 5-й класс школы № 16 г. Якутска (до недавнего времени двухэтажное деревянное здание её виднелось по дороге в аэропорт). Здесь мы увидели первых эвакуированных. Это была жена директора школы В.К. Чернявского Елена Антоновна (учительница немецкого языка) и многодетная семья учителя Н.С. Миненко из Таганрога. Все жили при школе. Никита Сергеевич был нашим классным руководителем, его жена – учительница начальных классов; одна дочка, Августина, училась со мной, две старшие – в школе № 10 в Рабочем городке. Одна из них, Алевтина, живёт до сих пор в Якутске, стала женой известного учёного Николая Сергеевича Иванова.

Но вообще эвакуировали в Якутию не так уж много людей (не поездами, конечно, как на Урал или в Среднюю Азию). Сказывалось, безусловно, состояние и отсутствие массовой транспортной системы. Приезжали, по-видимому, по собственному желанию и в основном те, у кого были какие-то связи. Так, приехала из Ленинграда семья якутского лингвиста Семёна Андреевича Новгородова – жена Мария Павловна и дочь Елена. Их опекала будущий доктор наук, племянница Новгородова Е.Н. Коркина. Елена поступила в пединститут и закончила его. Затем они вернулись обратно. Приехала и дочь М.Н. Андросовой историк О.В. Ионова и здесь вышла замуж за А.Е. Мординова.

В 1942 г. приехала из Москвы, после скитаний по Башкирии, семья моего дяди Г.О. Лукина – жена, два сына, тёща и её внук от другой дочери. Вначале пожилы у В.О. Лукиных, а затем получили квартиру. Сам Гавриил Осипович, будучи в отпуске в столице в июне 1941 г., вступил в Московское ополчение. Затем, узнав, что он мерзлотовед-дорожник, его отправили в Забайкальский военный округ.

Когда начался перегон самолётов «Аляска-Сибирь-фронт», Гавриила Осиповича послали в Якутск на мерзлотную станцию. Дело в том, что при перелёте американских самолётов основными пунктами посадок были: Фэрбенкс (Аляска) – Уэлькаль (Чукотка) – Якутск – Красноярск и т.д. Но при плохой погоде и вынужденной посадке необходимы были запасные аэродромы. Вот их-то и надо было подготовить на территории Якутии. Говорят, что, например, в Олёкминске в отдельные дни накапливалось до 200 самолётов. Так, случайно, в 1943 г. семья Лукиных воссоединилась в Якутске и прожила здесь до 1964 г. А вообще с 1942 по 1945 годы из Америки было перегнано по ленд-лизу 8094 военных самолёта. Из них было составлено более 250 полков на западном фронте, отправлены они были и на восточный фронт (бои с Японией). При перегоне 115 лётчиков погибли. Катастрофы происходили в основном в Верхоянье. До сих пор находят останки воздушных кораблей высоко в горах, в совершенно безлюдных местах.

Школы в Якутске топились дровами. Дров не хватало, было холодно, сидели в пальто, чернила замерзали. Где-то под потолком тускло горела керосиновая лампа, иногда пользовались и свечами. Но занятия шли полным ходом. Не стало хватать тетрадей – в ход пошла всякая бумага. В амбаре у дяди Васи Лукина я нашла какие-то холбосовские отчёты отца и сшила из них вполне сносные тетради.

С осени 1941 г. под лозунгом «Всё для фронта – всё для победы» начались всевозможные сборы. Взрослые подписывались на заём, собирали деньги на самолёты, танки, орудия, сдавали одежду – телогрейки, шапки, валенки и др.

Школьники собирали металлолом (помню, во дворе школы № 16 стоял старшеклассник и делал царापину на предметах – цветной металл в одну кучу, простой – в другую), мелкую одежду (мама сшила несколько рукавиц), кисеты (девочки иногда вышивали и вкладывали записки). Потом пошёл сбор бутылок (оказывается, туда заливали какую-то горючую смесь и бросали в танки). Затем сказали, что на фронте не хватает ваты, и её

ЯКУТИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

можно заменить сфагновым мхом, обернув в марлю; поехали за город драть «белый мох». Осенью участвовали в заготовке дров для школы, сборе грибов для какой-то артели, в копке картошки и т.д.

К зиме 1942 г. в печати начали появляться заметки о подвигах якутян на фронте. Много писали о снайперах-якутах Фёдоре Охлопкове, Алексее Миронове, Дмитриии Гуляеве, эвенке Иване Кульбертинове и др. Но Героя Советского Союза первым двум дали только после войны, относительно недавно (считалось, что они были на спокойном Калининском фронте), а последнего за послевоенные проступки вообще не наградили. В центральных газетах писали, что якутяне привыкли стрелять белку в глаз, чтобы не попортить шкурку, поэтому они природжённые снайперы. Появились первые Герои Советского Союза: из Мегино-Кангаласского р-на – Фёдор Попов, а из Якутска – Клавдий Краснояров. Нельзя без волнения читать опубликованные заскорузлые письма конюха Красноярова, полные заботы о семье и детях, с инструкцией жене, как и когда садить картофель и огород, утеплить на зиму дом и т.д.

Героям Советского Союза полагалась постройка дома. Сестре Попова построили дом в районе, семье Красноярова – в Залогe, Николаю Чусовскому – по ул. Ярославского (сейчас снесён). Новым домом Красноярова воспользовалась сестра жены – устроила склад ворованной муки. Был скандал. Один из сыновей Красноярова стал передовым водителем городского автопарка.

В школах было введено военное дело и санитария: учились делать перевязки, охраняли ночью военный кабинет, изучали оружие, противогаз, на парадах демонстрировали чёткую маршировку.

Почему-то не было «политчасов», учителя не информировали о положении на фронте (может потому, что шло отступление). Только после освобождения Ленинграда учительница немецкого языка Ирина Конрадовна Юнгман (родом из этого города) вошла радостная в класс и написала на доске «Es lebe Genosse Zukov». Мы поняли, что маршал Жуков причастен к этим событиям.

С 1943 г. были введены школьные обеды. Особенно организовано они проходили в школе № 17.

Так как у меня были слабые лёгкие, я каждый год болела крупозным воспалением. В результате каждую весну я проводила в больнице, а лето – в детском санатории. Но весной 1942 г. бог миловал. Мама решила пристроиться где-нибудь на даче. Но дач тогда было мало, семьи жили сами, сдавать, как в Москве, не было принято. Были горсоветовские дачи, но их выделяли только большому начальству. Побродили один выходной день по Сергеляху – безрезультатно. По несколько недель согласились приютить меня знакомые семьи Ксенофонтовых и Келле-Пелле.

Мама выделила мне мои карточки и отправила на Сергелях. Хлеб покупали в большой очереди в дачном магазине. На обед ходили иногда на дачи НКВД. Там был столовый павильон. Вырезали карточку «круп» и давали суп. Однажды мы что-то несколько дней не ходили туда, у меня, по-видимому от сухомятного хлеба, начались рези в желудке. Помучилась несколько дней. Пришла из города мама, и мы пополнились в столовую. Одной тарелки супа оказалось достаточно для моего выздоровления.

В столовой НКВД «паслись» артисты театра оперетты. Это были осколки Ленинградского театра, гастролировавшего по стране и оброставшего по дороге новыми кадрами. В частности, в Саратове к ним примкнула Майя Ицикзон, весной 1941 г. окончившая Киевское хореографическое училище. Это была будущая Мария Жорницкая. Театр задержался в Якутске, вероятно, года на два. В клубе НКВД ставились классические вещи: «Марияца», «Сильва», «Свадьба в Малиновке» и другие.

Помню, Софья Сидорова, председатель Верховного Совета ЯАССР, жившая напротив дачи Ксенофонтовых, пригласила тётю Груню на спектакль. Торжественно, в красивых платьях, поехали женщины в чёрной машине вечером в город. Впечатлений было на несколько дней. Мы с мамой сходили на «Сильву» («Свадьбу в Малиновке» видели в Москве).

У Келле-Пелле на даче жила русская девушка-домработница. Хозяйева днём были на работе, дети были ещё маленькими. Однажды домработница исчезла, семейство обнаружало кое-какую пропажу. За ужином дядя Яша заключил, что потерь могло бы быть больше, хорошо что дома была Муся. Так что я оказалась не только приятной, но и полезной.

Осенью одна атамайская бабушка попросила, чтобы я пожила с ней. В доме все уехали, она оставалась одна. Днём я была у мамы, а вечером отправлялась в Залог, на ул. Крупской (это довольно далеко от моего дома). От озера веяло прохладой, по берегу росла трава – чем не дача. Вечером и утром бабушка подкармливала меня, «сторожа со стажем», сметанкой.

Весной 1943 г., ещё до конца учебного года, я всё-таки заболела. Летом меня отправили в туберкулёзный санаторий «Красная Якутия». Обстановка здесь была прекрасная – двухэтажный корпус в сосновом лесу на берегу озера. Гуляли в лесу, катались на лодке, на открытой веранде играли в бильярд, шахматы, разные игры. Была библиотека. Много было интеллигенции. Здесь я познакомилась с писателем Суорун-Омоллоном, учёным Георгием Башариным, его женой Калисфеной, пианисткой Галиной Кривошапко, её мужем Захаром Тюнгорядовым и другими.

Врачи и персонал прилагали все усилия, чтобы подлечить и подкормить лечащихся. Организовали подвоз кумыса с Хатасс, варили хвойный настой, засадили большой огород. Несколько раз мы, ходячие больные, отправлялись на капусту, чтобы очистить рассаду от гусениц. Так как я была подростком, то женщины из палаты меня с охотой опекали. В конце смены уговорили врача оставить меня на второй срок.

Я была «штатным переписчиком» песен. Особенно всем нравилась песня «Кукарача» из одноимённого иностранного кинофильма. Тут было много знаков препинания, с которыми я успешно справлялась. Одна учительница заметила: «Муся хорошо расставляет запятые». Мой авторитет повысился.

Осенью мама от Коопинсоюза (организация инвалидов) поехала драть мох и собирать грибы и взяла меня. Высадили нас у деревни Владимировка. Здесь была уже большая бригада школьников. Жили в палатках. Но вскоре все уехали, мы остались одни. Мама попросилась в дом к одной семье в деревне. Это была русская семья: муж, жена и двое детей. Жена болела туберкулезом. Однажды муж поймал евражку, семейство устроило пиршество. Мама не могла на это смотреть, и мы пошли в лес. Но грибов было уже мало, зарядил дождь – захотелось в город. На попутной машине мы уехали. После палаток и свечей наша унылая половина комнаты в городе показалась чистой и светлой. Я подумала, что стены побелили, а мама смеялась надо мной. Эта «эпопея» не дала, конечно, никаких заработков.

4

Муж моей двоюродной сестры М.В. Ивановой (Харитоновой) Дмитрий Устинович Иванов ушёл на фронт. Мария Васильевна осталась с двумя дошколятами, Алей и Борей. Квартира в новом доме была холодной, надо было доставать много дров. Всё это было в тягость.

Однажды тётя Маня приходит к нам и говорит: «Встретила намского знакомого Данила Сафроновича Протопопова. Он сейчас, оказывается, председатель Нюрбинского райисполкома. Узнав, что я машинистка, пригласил меня на работу в Нюрбу. Обещал помочь и как красноармейке. Я согласилась, квартира пусть пропадает. Но я одна с двумя маленькими детьми боюсь ехать. Поехали со мной. Работа и жильё там найдутся».

Маме не очень хотелось ехать. Но, с другой стороны, и терять вроде нечего. В нашей полукомнате стало тяжело жить. У Даниловых осела их родственница Попова, жена брата хозяйки. К тому времени её невестка умерла, муж умер, три сына погибли на фронте. Старушка осталась совсем одна, запсиховала, стала пить, ругаться. Мама, я и Тихон решили ехать.

ЯКУТИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Мария Васильевна была совсем беспомощной. Пришлось ей помогать. На свои сборы остался один день. В один сундучок мама уложила наиболее ценные вещи и отнесла к подруге Марии Эверстовой. Остальное рассовали по ящикам и сгрудили в общем дворовом амбаре (потом его, конечно, взломали, и всё наше добро украли, а что осталось – растащили).

Постоянного расписания судов тогда не было. Просто сказали, что пойдёт ещё один пароход на Вилюй. Приехали на пристань Даркылах и прождали здесь целую неделю. Все сгрудились в пристанском сарае. Желающих уехать было много. Уже наступила осень. В сарае одна печка-буржуйка. Все на ней пытались готовить или хотя бы скипятить чайник. Но печкой нахально овладела семья Гоммерштад-Камзель (тёща, дочь, зять, дети). Камзель был в своё время фотожурналистом газеты «Социалистическая Якутия». Время от времени вокруг печки вспыхивали ссоры. В то же время все перезнакомились друг с другом, а некоторые и надолго.

Наконец подошёл пароход с баржей. Все ринулись в трюм. Это была грузовая баржа, никаких коек. Каждая семья скучковалась на полу. Из чемоданов и тюков устроили себе спальные места. Ехали довольно дружно.

Первый крупный населённый пункт – Сангары. Чёрный угольный посёлок где-то наверху. На берегу произошёл инцидент. Столкнулись две русские женщины – одна с посёлка, другая с парохода. Стали ругаться и толкаться. И вдруг вскрикнули, обнялись и стали целоваться. Оказывается, встретились две сестры. Этот эпизод долгое время очень любил рассказывать Тихон.

Поехали дальше, распрощались с Леной, вошли в Вилюй. Однажды утром приехали в г. Вилюйск. Отправились отоваривать свои дорожные карточки. Город где-то вдалеке, машин и подвод нет. Все потянулись по песку. Смотрю, с почтением ведут какую-то прилично одетую старушку. Говорят: «Мама Бордонского» (это был секретарь обкома партии по пропаганде и агитации).

Город Вилюйск того времени – крепкие почерневшие деревянные дома. Улицы широкие, песчаные. Здесь впервые мы увидели «эмирячку» (кликушу). В магазине, где мы стояли за хлебом, прохаживалась старуха, выкрикивая всякие слова. Мальчишки её поддразнивали, каждый раз она на это бурно реагировала.

Через несколько дней подъезжаем к Верхневилуйску. Вначале проехали с. Нам – всё в зелёной лужайке. Поговорили с борта. Кто-то по берегу помчался с известиями в район. Верхневилуйск понравился. Аккуратные домики вытянулись вдоль берега.

Следующий пункт наш – Нюрба. Подъехали где-то во второй половине дня. Берег полон народу. Приветствуют последний пароход, едут дальше в Сунтар. Нас встречают Протопоповы. Ведут к себе домой. У председателя райсовета своей квартиры нет, снимает жильё в частном доме. В одной комнате живёт хозяйка, в другой – Протопоповы. Да ещё тут вваливаемся мы, 6 человек.

Через несколько дней Ивановым подыскали жильё, а мы остались у Протопоповых. Как-то Данил Сафронович увидел мою тетрадь, всю в «пятёрках», и очень уважительно стал относиться ко мне. Зимой было завершено строительство частного дома Протопоповых и мы все переехали туда. Хозяйка дала нам с мамой одну комнату, а сами разместились в другой. Жили хорошо. Данил Сафронович председательствовал, часто был в командировках. Жена его, эвенка, тётя Маруся, была чудесной женщиной, весёлой, остроумной. Она была домохозяйкой, сидела с детьми.

У Протопоповых было три дочери, две из них – с трагической судьбой. Старшая дочь болела костным туберкулёзом и лечилась в детском санатории в Евпатории в Крыму. Но тут вступили немцы, связь была отрезана. Только после освобождения Крыма удалось узнать, что девочка погибла.

В связи с этим вспоминается рассказ одной нашей землячки, проживавшей долгое время в Крыму и работавшей там медсестрой. Во время оккупации Крыма немцы прежде всего выискивали евреев. Русский главный врач одного детского санатория спас своего заместителя врача-еврея, оформив его дворником. Весь штат больницы работал на то,

чтобы скрыть детей-евреев, переписали на русские фамилии все личные дела. Но начался голод, главный врач пошёл к немецкой администрации и попросил помощи. Так он спас детей. После войны врач-дворник обвинил главного врача в сотрудничестве с немцами. Состоялся суд. Главврач был осуждён за измену, а врач-дворник стал главным врачом санатория. Весь Крым был возмущён. А главврач санатория, где была дочь Протопоповых, был, по-видимому, патриотом и не обращался к немцам. В результате дети погибли, в основном от недоедания.

Младшая дочь Протопоповых только начинала ходить. Её полюбила бездетная семья Решетниковых: красивая пара откуда-то из Центральной Якутии. Муж был председателем райпотребсоюза, жена Женя – домохозяйкой. Они собирались уезжать и стали выпрашивать эту девочку. Мать, конечно, не хотела отдавать, но Данил Сафронович был очень добрый человек, пожалел эту, в общем-то хорошую семью, и решил отдать. Взяв ребёнка, Решетниковы быстро уехали. Они получили назначение на Север, куда втроём и выехали. Но тут девочка заболела скарлатиной и умерла. Это был удар по двум семьям. Тётя Маруся рассказывала, что как-то встретила Решетникову где-то в гостях. Увидев Протопопову, Женя зарыдала и убежала.

Средняя дочь Сирена была тогда лет пяти. Хорошая, смышлёная девочка. Сейчас она мать семейства (Андреева), закончила Якутский госуниверситет. Опекала и похорошила и мать, и отца.

В первое утро приезда в Нюрбу пошли познакомиться с селом. Первым делом – на почту, дать телеграммы о благополучном прибытии близким. Небольшое почтовое отделение стояло на берегу Вилюя. Тесновато, но оживлённо. Телеграммы приняла подслеповатая пожилая женщина, которую все звали «бабушка Балакшина». Молодая телефонистка отчаянно кричит «Чаппандай!», «Чаппандай!». Я подумала, что она вызывает какого-то корейца, а оказалось, что это село Чаппанда.

Далее пошли искать продуктовый магазин – надо было отоваривать дорожные карточки. Магазин оказался на центральной площади. Ещё закрыт, но народ уже в ожидании. Бегают бледнолицые мальчишки, кричат друг другу на нюрбинском жаргоне: «Сиикэйдээмэ! Сиикэйдээмэ!». Оказывается это – «не ври». На завалинке стоящего рядом с магазином дома сидит хорошенький мальчик лет шести, полуякут-полуеврей Рувим Брегель (сын главного бухгалтера райпотребсоюза) с маленькой сестрёнкой Стелой и ругается на двух языках.

Возле магазина маленький рынок с одним прилавком. Стоит женщина – продаёт масло. Попытка купить не приводит к успеху. Торговка говорит: «Это для своих, а не для приезжих».

Улицы Нюрбы довольно прямые. Село вытянулось вдоль берега, самые большие дома занимает, конечно, райком партии и райсовет (одноэтажные) и средняя школа (двухэтажные), во дворе которой начальная одноэтажная школа. Жилые дома, в основном частные, довольно аккуратные, вымазаны голубоватой глиной «туой». Через речку Нюрбинку – комплекс больницы и тубсанатория.

Так как в Нюрбе издавна были пришлые поселенцы – казаки, ссыльные, крестьяне, то в быту чувствуется «русский налёт». В домах чисто, стремление к скатертям, занавесочкам, бумажным цветам. Много «пашенных» лиц метисного происхождения. Пребывание здесь в 30-х годах большой группы корейцев отразилось и на нюрбинцах. В каждом

*Мария Гаврилова, ученица
7 класса Нюрбинской средней
школы (1943 г.).*

ЯКУТИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

дворе огород, картофельный участок, интенсивно выращивают табак. Есть якуты с корейскими фамилиями: Хоч, Им, Пак и т.д. Народ в основном живой, энергичный, любят шутку с ехидцей, в то же время обидчивы, если это относится к ним, несколько хвастливы.

Главное событие в Нюрбе летом – встреча и проводы парохода. Из-за мыса вначале показывается дым. Первым его видят жители маленького села Антоновка, сейчас слившегося с Нюрбой. Мальчишки на велосипеде или бегом мчатся в Нюрбу. Все жители районного центра всплашиваются, прихорашиваются, одевают самые лучшие свои платья и устремляются на берег. С Якутска ждут участников войны, – раненых, знакомых, специалистов, новых людей. С Сунтара – в основном родственников и мобилизованных. Помню, как встречали вновь назначенного главного врача больницы, хирурга Ивана Михайловича Сизых. Внимательно рассмотрели не только самого, но и жену, сына, невестку и грудного ребёнка.

После окончания 10-го класса забирали юношей на фронт. Тут уж выходила вся школа. Помню, провожали полукорейца Гришу Хоч. По отцу, как сын иностранного гражданина, он мог не ехать в армию, но из-за патриотических чувств попросился добровольцем. Залез на крышу баржи и долго махал рукой, пока не стал уж виден. Не знаю, вернулся он или нет?

Мария Васильевна устроилась секретарем-машинисткой в райисполком. Дети пошли в детсад, заговорили по-якутски, при этом, конечно, по-нюрбински: «чёмчюк» (чашка), «соютар» (чайник-запарник), «ёрбёх» (тряпка) и т.д. Маленький Борька, проснувшись, по утрам пел зверевское «Сарсын-сарсын сарсыарда» (завтра-завтра поутру). Впоследствии он женился на дочери Сергея Зверева Варваре.

Я училась в Нюрбе в 7-м и 8-м классах. Мама поступила медсестрой в амбулаторию, в глазной кабинет. Очень приятная врач Ратникова стремилась вылечить всю Нюрбу, организовала при школе кабинетик, где на перемене мама закапывала детям капли. Особую жалость у неё вызывали «интернатчики». Потом мама перешла на работу медсестрой в тубдиспансер к Марии Михайловне Терентьевской.

Мы прожили в Нюрбе два года. С продовольствием здесь было хуже, чем в Якутске. К тому же райпотребсоюз проворовался. Бухгалтер, красивая девушка из благородной семьи местного фельдшера Попова, занималась какими-то махинациями, её посадили. Хлеб давали то мукой, то зерном, в мизерном количестве. В каждом доме были жернова – маленькая мельница. Крупы не было. Сахар в конце войны стали отоваривать конфетами «подушечки». В день Победы жители наварили из них бражки. Масло и мясо надо было доставать самим. Иногда привозили из наслогов, но продавали только по указанию хозяев, где продавцы останавливались: «Этому дай, тому нет». Соль была кемпендйская,

**Учащиеся 7 класса Нюрбинской средней школы.
Первый ряд: Павел Теленков, Лия Рожина;
второй ряд: Петр Рудых, Соломон Жирков,
Людмила Подваркова, Мария Титова;
третий ряд: Татьяна Попова, Мария Гаврилова,
Мария Кондратович, Валентина Протодьяконова
(1944 г.).**

из Сунтарского района. К концу войны в Нюрбе построили спичечную фабрику. Палочки были без коробок, кучкой, сера – шкуркой.

Промтоварных карточек почти не было. Выдавали иногда ткань уезжавшим на фронт и на учёбу по направлению. Однажды маме дали всё-таки талон на обувь. Упросили продавца выдать мне сапоги. Но обувь эта была, видимо, местного производства. Через неделю вылезли страшные гвозди, ходить в них было невозможно.

Электричества тогда в Нюрбе не было, керосина тоже. Пользовались, в основном, свечами, иногда делали их сами. А у бедных хозяев были, по-старинке, даже лучины.

Как и во всякой деревне, в Нюрбе были свои «первые девушки» и «первые парни». Признанной красавицей была учительница начальных классов, сахалярка Капитолина Ивановна Афанасьева. Отец её, по прозвищу Чурий, был продавцом промтоварного магазина, мать – из местных русских. Семья была многодетной (с одним из братьев я училась в одном классе), но, по-видимому, с достатком, имела хороший дом с высоким крыльцом на берегу Вилюя. Капа была старшей в семье, высокая, стройная, с жгуче-чёрными пышными волосами. Всегда элегантно одетая, в расшитых бисером унтах (тогда все ходили в валенках или в простых торбозах). Красиво танцевала. В общем, привлекала внимание. Не знаю, как сложилась её судьба. Надеюсь, хорошо. Из молодых людей щеголял мелкий служащий Николаев. Всегда в костюме, белой рубашке с галстуком, белых фетровых валенках-чёсанках. Танцор, ухажёр. При нас женился на русской девушке, работавшей в аптеке.

В русской среде первой девушкой считалась медработник Золотарёва. Пела в самодеятельности. На Новый год получила первый приз за лучший маскарадный костюм. При нас вышла замуж. Из мужчин привлекал внимание заведующий райздравом Князев. Чернявый красивый человек в расцвете сил (не знаю, почему он не был на фронте). И хотя Князев был женат и имел ребёнка, медички «квали» его. В конце концов семье пришлось уехать. Не оставляли равнодушными одиноких женщин и оказавшиеся в райвоенкомате офицеры Середа, Подпруга, Куцакони и другие.

Нюрбинский клуб находился в центре села, рядом с райсоветом (говорят, он сгорел). Вел активную работу. Регулярно демонстрировались фильмы, по субботам устраивались танцы под баян (школьников старались не пускать). Читались лекции, проводились разные мероприятия, смотры самодеятельности и т.д.

Но главным событием в культурной жизни села был театр. Он назывался «II передвижным колхозным», а больше «Нюрбинским». Театр гастролировал по всем четырём вилюйским районам. В дни приезда каждый житель Нюрбы считал своим долгом посетить спектакль или концерты, так что всегда был «переаншлаг». Ставили пьесы А. Островского на якутском языке и пьесы якутских драматургов. Директором театра был симпатичный человек Михаил Александрович Решетников, из артистов блистали Христофор Максимов, Марфа Васильева (бабушка будущей «Мисс-Якутия 1998 г.» и «вице-мисс России 2003 г.» Маши Колодезниковой), Яков Кычкин и др. Это были, в основном, выпускники студии Якутского театра, т.е. своего рода «столичные». Были и несколько слабоватых актёров из местной самодеятельности. На вторую зиму нашего пребывания приехала из Якутска приличная певица Антонова, которая имела успех (к сожалению, она потом быстро сошла со сцены и, говорят, вскоре умерла).

Бывая в районах, холостые артисты высматривали себе невест. Самыми красивыми считались девушки Вилюйска. Так, в одно лето Михаил Решетников и Христофор Максимов привезли себе хороших жён, учительниц из этого города. Но получилась неудача с третьей парой. Яков Кычкин уже вёз себе жену из Вилюйска, красавицу Марию Бубякину. Когда сажались на паром, шедший из Якутска, вдруг встретили бывшего мужа Марии, возвращавшегося с далекого трудового фронта. Мария вернулась с ним в город. Яков приехал в Нюрбу «не солоно хлебавши». Все четыре вилюйских района «страшно переживали» это. Яков находился «в транс».

К осени Яков Кычкин женился на «жалевшей» его дочери хозяев, где он жил, племяннице министра просвещения С. Сюльского. Их дом находился против нашего дома, да

ЯКУТИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

ещё у них жили Ивановы. Так что всё это происходило на наших глазах. Прошёл год. У Кычкиных родилась дочка, у Бубякиной была своя. Но жизнь у Марии не заладилась, муж, конечно, ревновал. В конце концов, Яков Кычкин и Мария Бубякина соединились и прожили счастливо долгие годы, народив кучу детей.

Были в Нюрбе военного времени и другие примечательные люди. Легенда села – Алевтина Мархинина. В предвоенные годы она была ещё ученицей школы. В 1939 г. за отличную учёбу её послали в знаменитый пионерский лагерь «Артек» в Крыму. Но в Якутск она приехала с опозданием, поэтому пришлось вернуться. Вторая попытка, 1940 г., увенчалась успехом. Хорошо отдохнув, счастливая девочка доехала обратно до Якутска. Но опять с запозданием – все пути-дороги в середине сентября уже закрылись. Алевтина решила добраться до Нюрбы пешком. Вместе с группой делегатов областной комсомольской конференции протопала по Вилуйской дороге более шестисот километров за два месяца и прибыла домой только 16 ноября. В мою бытность Алевтина Константиновна была уже учительницей начальных классов. Вышла замуж за учителя Гавриила Михайловича Татаринова (был у нас в 8-м классе классным руководителем), появился сын Костик. Впоследствии А.К. Мархинина стала журналисткой.

Много «пищи для обсуждения» давал учитель В.А. Семёнов (в 8-м классе вёл у нас математику) по прозвищу «Кюстэх Баска» (сильный Васька). Это был будущий известный литературовед. По легенде, он поддержал на плечах балки обвалившейся крыши какого-то дома. Василий Алексеевич «гастролировал» по всем вилуйским районам и с каждого возвращался с новой женой. При мне в селе жила его первая жена с сыном, затем появилась учительница Доценко с Сунтар. Между ними была нюрбинский врач Вайворова. Ухаживал он за женщинами красиво. Врачище подарил беличье манто, в нём она разъезжала на санях по вызовам. Все думали, что они женятся, и вдруг Вайворова вышла замуж за начальника Райзо Григория Борисова.

Дом Борисовых был рядом с нашим. Родственница хозяина молодая девушка Маня часто забегала к нам пообщаться. Приехала из Барнаула ее мать со своей младшей дочерью, ученицей 9-го класса. Мама была недовольна, что старшая дочь вышла замуж за вдовца с двумя детьми, да ещё якута. Но тут младшая дочь заявила: «А мне якуты нравятся, я тоже выйду замуж за якута». Тёща еле дождалась конца учебного года и увезла свою дочь обратно на Алтай. Но та через несколько лет вернулась в Якутию и действительно вышла замуж за якута. В последние годы работала она в Институте геологии ЯФ АН СССР, и мы жили в одном яфановском доме, в одном подъезде. Борисовы воспитали хороших детей как от первого, так и от второго брака. Сын Ганс был геологом (к сожалению, рано умер), дочь – жена известного в городе владельца магазина «Апогей» Р.Т. Исмаилова.

Весной 1944 г. наши благодетели Протопоповы уехали в Якутск. Данила Сафроновича назначили заместителем министра сельского хозяйства. Дом они продали главному зоотехнику района Пантелеймону Андреевичу Кангаласову, попросив, правда, оставить нас хотя бы до лета. Это был тот Кангаласов, который жил в нашем дворе работников сельского хозяйства в Якутске и имел единственный велосипед. В Нюрбе он только что женился на молоденькой русской девушке, окончившей строительный техникум в Якутске и строившей телятники по району. Кангаласовы согласились приютить нас, но молодая хозяйка, конечно, с нетерпением ждала конца учебного года.

И опять начались наши скитания по чужим квартирам. Пока было тепло, мы прожили в домике летнего санаторного лагеря, где мама и я во время каникул работали медсестрами. Но к осени надо было подыскать что-то капитальное.

Мама встретила знакомую по Якутску, Ирину Андреевну, младшую сестру друга нашей семьи, известного врача Марии Андреевны Яковлевой. Оказывается, она вышла замуж за нюрбинца и жила здесь. Муж – какой-то мелкий интеллигент, собиратель фольклора – мотался по районам. Ирина жила в своём доме одна с тремя «ущербными» детьми. Первая дочь (уже в подростковом возрасте) была от первого мужа, немца Штогберга, который рано умер. Лаура в малолетнем возрасте выпала из окна 2-го этажа. Осталась жива, но была «малость не своя», нигде, конечно, не училась. Младшие были от вто-

рого мужа. Мальчик болел костным туберкулёзом, ковылял на костылях. Девочка была совсем малышка, ещё не ходила.

В доме был хозяйственный пристрой – юрта. Ирина предложила в нём перезимовать. Кое-как утеплили, заделали щели, обмазали и зажили втроём. Но всё равно было холодно. Камелёк пожирал много дров, а своего топлива не было. Дом стоял на берегу речки Нюрбинка, за ней был лес. Мы с Тихоном после школы, пока светло, шли в лес, находили жердины и тащили их домой. Этого хватало на один день. Но потом выпал снег, и стало еще сложнее. Наконец на работе маме разрешили заготовить кое-какие дрова. Где-то нашли бычка, и привезли одни сани. Но этого было, конечно, мало. Света не было, вечером над камельком подвешивали лучину. В общем, был дореволюционный примитив.

В конце концов, я, конечно, простыла и заболела воспалением лёгких. Врач Терентьевская, у которой работала мама, приютила меня в своём тубдиспансере на всю зиму. Весной, когда я вышла, мама подыскала другое жилище, у «пашенной» из Якутска нюрбинского происхождения Золотарёвой. С её сыном Юрой мы учились вместе во 2-м классе в городе, но он отстал от меня на один год. Юрий с Тихоном остались самыми близкими друзьями на многие годы.

Золотарёвой дом достался от кого-то из родственников. Здесь она чувствовала себя временной и всё мечтала, как вернётся в Якутск в свой дом «с итальянскими окнами». Временами из наслега по делам райздрава приезжала племянница хозяйки, красавица-фельдшерница Женя. Это была молодая жена известного в Якутске партийного работника А.И. Евмененко. Первая семья, которую он оставил, тоже проживала в Нюрбе. Александр Иванович был где-то на учёбе в Высшей партийной школе, и фельдшерница рассказывала тёте подробно о его письмах.

***Отдыхающие Нюрбинского санатория.
Первый ряд: Мария Федоровна (в халате),
Муся Гаврилова (третья), Александр
Миронов (четвертый), 1945 г.***

«Русский налёт» на нюрбинцах сказывался и в таком деле, как гадание. В чисто якутских районах этого тогда не было. Гадали на блюдце, ходившем по буквам, на столах (стучали ножки), бросали в стаканы с водой кольца и смотрели в нём изображение и т.д. Впервые об этом рассказала мне моя одноклассница Инна Гуляева. Взялась обучить. Пришла к нам домой, расчертила на бумаге большой круг с алфавитом, нагрела блюдце, все поместили на него пальцы и вдруг оно заходило. Вначале вызывали «дух умершего» – обычно «Пушкин». Но мы нашли, что это слишком далеко. Мама предложила «Василия Дмитриевича Соловьёва», нашего якутского знакомого, который до нас выехал в Нюрбу и здесь умер. И дело пошло. Блюдце здоровалось, прощалось, то ходило спокойно, то сердилось, то материлось и т.д. Мы подозревали Инну, что она подталкивает, она божилась, что нет. Иногда вроде получалось то, что она не могла знать, тогда начинаешь грешить на других и чуть ли не на себя. Обычно спрашивали: «Когда кончится война?», «Кем мы будем?», «Жив ли наш папа?», «Когда он вернётся?». Но ничего вразумительного не получали. Однажды мама спросила: «Кто посадил Кузьму Осиповича?», и вдруг блюдце ответило: «Господа Кикиморы». Ни Инна, ни мама этого слова не знали, я об этом не думала. И такая точность! Хочешь – верь, хочешь – нет.

ЯКУТИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Предмайские дни 1945 г. были полны какого-то ожидания. Наши шли по Германии. 1-го Мая была довольно оживлённая демонстрация. Меня попросили выступить от имени школы. Я училась тогда в 8-м классе. Многие до сих пор вспоминают это выступление с трибуны на площади; главное, что поразило всех, это речь без бумажки. Я сказала, что советская молодёжь достойно проявила себя на войне. Сейчас Красная Армия у самого логова врага – Берлина, и мы находимся накануне великих событий.

9-го Мая утром, как обычно, отправились в школу. Прихожу – говорят: «Победа!». Все пошли в клуб. Был митинг. Затем объявили всеобщее гуляние. Целый день показывали бесплатное кино. Вечером был концерт. По домам – праздник (вот где заработали конфеты-подушечки), уже с первомайских дней настаивалась бражка, на столах картошечка и капуста. Вообще, нюрбинцы умеют гулять. Недаром у них восторженная поговорка: «Свадьба да свадьба. Шинкованной (солёная капуста) сиз да сиз (кушали да кушали)».

Летом был радостный ысыах Победы. В Нюрбе очень хороший парк, заложенный накануне войны тогдашним председателем райсовета, известным якутским поэтом Сергеем Васильевым. Здесь был митинг и просто гуляние. А настоящие ысыахи были в наслегах. Так как до этого я не видела ни одного ысыаха, то решила съездить в ближайшее село.

Больше всего мне понравились «харчёвки». Были натянуты длинные тенты, а под ними сделаны отделы. В каждом распорядилась семья – что-то приносили-уносили, кипятились самовары. За пять рублей можно было купить кусочек лепёшки с маслом и стакан чаю, а в другом – чашку супа. Кумыс был общий и бесплатный. Все ринулись туда, началась давка. Помню, хорошенького мальчика, сына военкома А.А. Аммосова, в красивом костюмчике, залили кумысом с головы до ног. Одна сердобольная женщина, возмущаясь, оттирала его тряпкой. Были спортивные соревнования и всё что положено при этих мероприятиях.

Назад подводы не торопились, и мы с одной девушкой пошли пешком. Был хороший, ласковый день, пели жаворонки, кругом зелень и цветы. Вдруг впереди показалось огромное голубое озеро. Я подумала, как же мы его обойдём. Каково же было моё удивление, когда это озеро оказалось «морем» голубых незабудок. Так и осталось в моей памяти светлым пейзажем нюрбинское лето Победы.

Летом 1945 г. вся молодёжь ринулась на учёбу в Якутск. Отделы райсовета щедро выписывали направления во все техникумы и другие учебные заведения столицы. Меня вызвали в районо и сказали: «Пришла телеграмма. В Якутске открывается спецшкола для способных учащихся, с интернатом. Просят прислать отличников. Направим тебя». Конечно, согласились. Всё-таки родной город, да если с интернатом, то будет где приютиться.

Райторг всем выезжавшим по путёвкам дал талоны на два метра белого материала и три метра серого материала под названием «молескин». Все отъезжающие, как сговорившись, понашили рубашки-кофты и шаровары. Получилось как униформа. Если в таком одеянии, значит студент.

Мама и Ивановы ещё остались в Нюрбе. Расстались немножко со слезами, но ничего. Впереди – надежды на светлое. Погрузились на пароход. На этот раз баржа была пассажирская – с койками в трюме. Ехали дружно. Состав был молодёжный. Были и знакомые. Девушка напротив моей койки опекала меня: кипятила чай, варила картошку. Мама засушила мне на дорогу мяса. Оказалось кстати, подмешивали в варево. Все ехали на подножном корму, никаких буфетов, конечно, не было. На стоянках тоже ничего не давали, всё было по карточкам. Это был первый мой самостоятельный путь в далёкую дорогу.

5

В один прекрасный день прибыли, наконец-то, в Якутск. Я должна была остановиться у своего дяди, Василия Осиповича Лукина. На берегу стоит одна грузовая машина, шофёр с сыном-подростком. Все ринулись, конечно, к ней. Шофёр попросил с каждого по

10 рублей, но у меня не хватало денег. Говорю: «У меня только 7 рублей. Возьмёте?». Спрашивает: «А куда?». Отвечаю: «В центр. Улица Попова, рядом с Юридической школой». Добро, машет рукой: «Залезай». Набились – полная машина. Мальчишка собирает деньги. Протягиваю свои, пацан считает и говорит отцу: «Здесь не хватает». Шофёр прижимает палец к губам: «Это дочь главного прокурора республики». С радостью будущие студенты поехали, кое у кого замирает сердце – примут ли в общежитие, поближе готовят свои путёвки. Так я рассталась с последними нюрбинскими друзьями.

Благополучно доехали. Юридическая школа на месте, рядом со старым красивым двухэтажным зданием Партпросса. В своё время эта школа была очень авторитетным учреждением, здесь готовились все судебские работники республики. Рядом у ворот играют мои двоюродные сёстры. С удивлением смотрят на меня, подхватывают вещи, идём в дом.

Семья В.О. Лукина в то время была большой: сам, жена Ирина, три дочери, да куча родственников жены – мать, братья, племянницы. Живут в 2-х комнатах, одна из них проходная. В третьей комнате пребывает моя тётя, Анна Осиповна Лукина с двумя своими детьми и с двумя детьми мужа. Когда-то этот дом был весь тётки Ани, но жена брата выгнала её. Две семьи не разговаривают. Мне выделили койку (один брат хозяйки уехал работать на Север). Но я всё-таки чувствую себя неудобно. Через несколько дней решила уйти в интернат, получила место в огромной комнате, унесла туда тюфяк, пришла за вещами. Разобравшись в чём дело, мой дядя, по-видимому, «усовестился». Пошел со мной, принёс всё обратно, сказал: «Будешь жить у нас».

На следующий день после приезда иду по указанному адресу в школу. Это – здание бывшей женской гимназии у тогдашнего рынка. «Спецшкола» оказалась ничем иным, как якутской средней школой № 2 с приставкой «республиканская». Дело в том, что во многих районах во время войны средние школы позакрывались. И сразу после Победы решили это дело поправить открытием большой школы с интернатом в г. Якутске. Выделили двухэтажное здание, а во дворе – большое одноэтажное здание интерната. Всё было под боком.

Документы принимал и.о. завуча Д.Ф. Филиппов (дядя будущего президента АН РС(Я) В.В. Филиппова).

Когда я узнала, что это существовавшая ещё до войны обычная якутская школа № 2, я заявила, что пойду в школу № 7, где я раньше училась, поскольку я всегда обучалась в русской школе или классе. Дмитрий Федотович, увидев мои «пятёрки», положил папку глубоко в стол, запер и сказал: «Никуда не пойдёшь, так как ты прибыла по развёрстке». Я думала, что это слово относится только к хлебу или какому другому продовольствию, но, оказывается, оно имеет отношение и к людям, т.е. по плановому направлению.

Другой мой дядя, Гавриил Осипович Лукин, живший тогда далеко на «мерзлотке», потом мне рассказал, что он тоже ходил в школу и просил перевести меня в школу № 7, но

*Учащиеся 9 класса средней школы №2 г. Якутска.
Второй ряд – преподаватели: Евдокия
Алексеевна Аскольская, Роман Михайлович
Поскачин, Дмитрий Федотович Филиппов,
Наталья Иннокентьевна Осипова (1946 г.).*

ЯКУТИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

ему отказали. Правда, он сказал: «Пусть учится в школе № 7, а живёт в интернате при школе № 2». Но это, конечно, абсурд.

Тётя Ирина что-то раздобрилась – подарила мне шерстяную коричневую ткань и чёрные туфли на каблуке. Из ткани портниха Марина Эверстова, мамина подруга, сшила мне бесплатно костюм, по модной тогда «спортивной форме». Туфли мне немножко жали, но, по случаю, я обменяла их на точно такие же, но больше размером, с моей старой подружкой Отей Дьяконовой. Правда, как потом сказала мне тётя Нюта, Ирина была недовольна обменом, так как она, оказывается, дала туфли только временно, поносить, а я подумала, что постоянно, так как она об этом не говорила.

Перед началом учебного года нас собрали на субботник. Меня с двумя девушками отправили, по просьбе городской библиотеки, находившейся рядом со школой, к ним. Мыли окна. Директор Лидия Ивановна Хаенко, похвалила наше старание и сказала, что попросит директора школы дать нам какие-нибудь талоны. Наш директор, Роман Михайлович Поскачин, согласился. Я выпросила талон на чулки. Накануне я видела в заложном магазине № 8 это «чудо».

Таким образом, 1 сентября 1945 г. я предстала на открытии школы (линейка была во дворе) вполне современной девушкой – в коричневом спортивном костюме, голубых шёлковых чулках, туфлях на каблуках, с подстриженными тётей Нютой волосами. Начались школьные будни в родном мне городе.

В Якутске, за два года моего отсутствия, произошли кое-какие изменения. Во-первых, школы разделились на женские и мужские. Все мои бывшие одноклассники теперь учились в женской средней школе № 7 или в мужской средней школе № 9. По замыслу, в мужских школах должно было быть больше уроков военного дела. Школьная форма ещё не была введена.

Во-вторых, стало лучше с продуктами и товарами. Тут уже, надо сказать, спасли американцы, вероятно, пресловутый «Второй фронт», т.е. из США посылали не только самолёты, но и кое-что из товаров. В красивых добротных мешках и ярких коробках были теперь мука, сахар, чай, масло, колбаса, ветчина. Впервые увидели банки «дёрни за колечко – она и откроется». О таком добре в Нюрбе даже и не подозревали. Между прочим, как я потом выяснила, американских продуктов не было и в Москве.

Расширился круг спецмагазинов. По определённым дням тётя Ирина отправляла нас с девочками в престижный тогда в городе «Рыбтрест» (было солидное деревянное здание по проспекту Ленина, сейчас здесь высится здание «Стройбанка»). Дядя Вася работал тогда в «Холбосе» и, видимо, по-родству предприятий, был туда прикреплён. В здании треста на первом этаже в глубине был магазин. Простояв полдня, мы возвращались, обычно втроём, с полными сумками всякой всячины. В числе «трофеев» была, конечно, и рыба. Особенно деликатесной были «пупки» – жирная брюшина высокосортной рыбы, вероятно, булунской.

Американские мешки были чистые, плотные и пользовались популярностью. Сельчане понашили из них штаны и с удовольствием щеголяли в них, не стесняясь всяких надписей.

Появились и американские промтовары. На талон «ткань шерстяная» (только высокому начальству) давали синюю ткань «костёр», на талон «ткань шёлковая» – похожую на марлю вишнёвого цвета ткань. На талон «ткань х/б» – вожделенную, похожую на сатин, военную ткань защитного цвета «хакки» (впервые услышанное тогда слово). Из него шили всё – штаны, гимнастёрки, телогрейки. Иногда выдавали «криссбон» – х/б ткань «ёлочкой». До войны из нашего белого криссбона шили обычно мужские кальсоны. Но американский криссбон был более плотен и синего цвета и из него шили всё. Однажды и мне попала эта ткань. Тётя Нюта сшила из него платье по моей модели (складками на груди), в котором я проходила 9-й и 10-й классы.

Была и американская обувь, но страшно большого размера. Массивные мужские ботинки не менее 45 размера и женские лаковые туфли-лодочки, начиная с 40 размера и более. Умелые люди перешивали их на меньшие, неумехи только поглаживали на прилавке.

Однажды на каком-то празднике в киоске организовали бесталонную распродажу американской мелочи. В большой давке нам с мамой досталась фланелевая солдатская простыня (сшили мне, покрасив в чернилах, лыжные шаровары) и тяжёлая фарфоровая кружка (сохранилась до сих пор).

С прибытием демобилизованных оживился базар, появилась «толкучка», которую перегоняли то туда, то сюда. Солдаты торговали трофейными немецкими и китайскими товарами, пайками, булками хлеба. Имей только деньги. Некоторым прибалтам разрешили приехать в Якутск, они получали какую-то благотворительную помощь с запада, в основном из США. Их «подарки» тоже пошли на рынок. Так, мы у одной «литовки» купили шерстяную кофточку, которая пополнила мой школьный гардероб.

В начале зимы 1945 г. Ивановы вернулись из Нюрбы, а к Новому году приехала и моя мама. Мария Васильевна поступила машинисткой в Верховный Совет ЯАССР, вскоре ей дали квартирку в доме, где когда-то жил Серго Орджоникидзе (позже там появилась мемориальная доска). Это был дом в угловом дворе по ул. Петровского и ул. Орджоникидзе, напротив бывшего казначейства. Сейчас на этом месте гараж ЯНЦ СО РАН. Тётя Маня успела взять в квартирантки одну атамайскую бабушку (которую я охраняла летом 1943 г.), бывшую купчиху Максиму. Нам с мамой досталась кухня. Здесь, сидя на кровати, под бульканье чайников и кастрюль, приходилось мне делать уроки.

Однажды в морозный вечер вдруг загромыхали в сенях сапоги – вошёл демобилизованный Д. У. Иванов. То-то была радость. Оказывается, он был в Забайкальском военном округе, и, когда началась война с Японией, был брошен на Восточный фронт. Слава богу, всё обошлось без ранений, вывихнул только палец в каком-то рукопашном бою. Из Читы в ту зиму солдат стали привозить самолётами, а до этого – машинами через Алдан.

Быстро приготовили ужин. Собрались в комнате. Больше всего Дмитрия Устиновича поразила я: «Какая большая стала». И действительно, когда он уезжал, я была ученицей 4-го класса, а сейчас – 9-го. Взрослые были заняты столом, свои дети маленькие, так что всю информацию о нашей жизни в тылу он получил от меня. Затем он заставил меня перепеть все песни военных лет.

Дядя Митя стал устраиваться на работу. Выбор для охотоведа с высшим образованием был большой. Тётя Маня робко заикнулась: «Может быть «Рыбтрест». Там снабжение хорошее». Дмитрий Устинович вспылил: «Что я рвачеством буду заниматься?». В конце концов он устроился в Якутскую зональную станцию по охотничьему промыслу. Это учреждение находилось по ул. Орджоникидзе близ ул. Короленко. А вскоре ему дали квартиру по ул. Белинского, 5, на берегу оз. Талого. Вначале это было в засыпном пристрое, а потом в самом доме, где он и прожил до своей смерти в 1960 г., а семья его проживала до 1969 г.

В связи с переездом Ивановых нам опять пришлось искать пристанище. В это время наш родственник Л. Н. Харитонов женился на работнице детсада В. К. Торгаевой. Накануне войны он остался без своей жены, Анастасии Игнатьевны Поздняковой, с двумя детьми, испытывая массу неудобств. В конце концов свою дочь Марианну он устроил в кругло-суточный детский сад, а падчерицу Зою – в детский дом под Якутском. В воскресные дни все встречались. Вера Константиновна жила по соседству и всячески старалась помочь по уходу за девочками. Она сама была в разводе, имела дочь, школьницу Галю. Две семьи соединились.

Харитоновым дали отдельный дом во дворе жилого комплекса Пединститута, по знаменитой Сергеляхской, 2. Сейчас этот дом, конечно, снесён. Тётя Вера днём уходила по делам в город, дом оставался без присмотра. Семейство пригласило нас пожить. Вначале мы разместились в большой светлой кухне, но здесь были куры. Потом нам отгородили ширмой угол в «зале». Здесь я и закончила 9-й класс, хотя до школы ходить стало далеко.

Летом мы пожили у одной из атамайских родственниц по линии «дальних Харитоновых» Агафьи Фёдоровой. Она с сыном и дочерью жила в квартирке, сделанной из чулана и сеней большого коммунального дома на углу улиц Белинского и Каландаришвили.

ЯКУТИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

А главное был отдельный вход. Этот дом ещё сохранился. Тётя Агаша занималась шитьём, была очень доброй женщиной. Хорошие отношения с ней мы сохранили надолго. Но она болела туберкулёзом. Мама боялась за меня. Поэтому, когда наша знакомая из этого дома, бывшая учительница Татьяна Платонова, предложила осенью поселиться у неё с отоплением в полпечки, она согласилась. Но у хозяйки был ещё сын Юра, а комнатка небольшая.

Наши перепитеи с жильём близко воспринимал и Тихон. Его заветная мечта – собственный дом. Увидев какую-нибудь развалюху, он говорил: «Интересно, сколько стоит такой дом, наверное, недорого?». Свою цель он осуществил в Братске, из-за чего собственнно он там и остался.

После Нюрбы мама не могла толком устроиться на работу. Подвязалась надомницей в артели инвалидов. Шили всякую мелочь – постельное бельё, рукавицы и т.д. Заработки скудные, главное – продуктовые карточки.

В начале зимы мама встретила врача П.Д. Стрелова. Когда-то она начинала медсестрой у него в Намском районе. Павел Дмитриевич был назначен главным врачом поликлиники «Коопинсоюза», т.е. по делам инвалидов. Он предложил маме работу медсестры в физиокабинете и обещал устроить жильё.

Вскоре П.Д. Стрелов выделил нам маленькую комнатушку в поликлинике. Умещалась одна кровать и один стол, Тихона на ночь устраивали в коридоре. Днём по поликлинике ходил народ, мы тихо сидели у себя. Мама в соседней комнате проводила процедуры – свето- и электролечение. Подключала всякие блестящие аппараты. Дело это было относительно новое, и люди ходили с удовольствием. Иногда мама ходила по домам, делала лежащим больным уколы.

Поликлиника Коопинсоюза располагалась в доме с мезонином, наверное, бывшем купеческом. Он находился по тогдашней ул. Попова, недалеко от нынешней ул. Аммосова. Это было близко от школы № 2, где я уже училась в выпускном классе. Совсем рядом – Городская библиотека им. Белинского, тут можно было позаниматься. Недалеко от дома были хлебный и продуктовый магазины, где ещё отоваривались карточки, и рынок, где при наличии денег можно было что-нибудь прикупить.

В общем, мы были счастливы и чувствовали себя почти «законными». Дело в том, что жильё тогда в Якутске было распределено по учреждениям. Если человек уходил с работы, то соответственно освобождал и жилплощадь. Поэтому и бесконечные переезды. Были и горсоветовские квартиры, но туда попадали всё равно по ходатайству учреждений. Я не помню, чтобы кто-то стоял «в очереди» за жильём, таковой, видимо, не было. В основном, у кого были отцы семейства, старались построить свой дом.

Но жить на глазах у всех посещавших поликлинику было, конечно, неудобно. Да вскорее понадобился и кабинет для работы комиссии по определению инвалидности участников войны. В определённые дни дом заполняли безрукие и безногие мужчины. Было тесно, присесть было негде, стояли подолгу. Ворчали: «За год нога не отросла». Под конец обязательно уворовывали лампочку в коридоре.

Павел Дмитриевич предложил нам переехать на второй этаж, в мезонин. Туда вела отдельная лестница. Там было две комнаты – одна кабинет врача, а другая какая-то хозяйственная с печью. Но надо было утеплить, т.е. сделать капитальный ремонт, начиная со штукатурки. Мы с Тихоном занялись этим делом с большим удовольствием. В декабре комнатка была готова и Новый год мы встретили новосельем. Комнатка была окном на юг, светлая, но опять-таки маловата. Умещалась кровать и стол. Мы с мамой приспособились ночевать на диване в кабинете врача напротив. Тут же был большой стол, где по вечерам можно было делать уроки.

Тихон спал в комнатушке. Но однажды мы заметили на его лице ожоги. Спрашиваем, в чём дело. Говорит – сам не знаю. После расспросов выяснилось, что по ночам у него бывают какие-то непонятности. Рассказал, что когда были в Нюрбе, то одно время жил в семье Абрамовых (жена была единственным в районе зубным врачом, которая только и знала, что дёргать зубы). И вот по ночам Тихон, оказывается, вставал и занимался

тем, что перетаскивал все свои учебники на крышу, о чём совершенно не помнил. Хозяин поднимался и спускал его вниз. Через месяц ожоги повторились. Я заметила, что ночь была ярко лунная. Короче говоря, в ночь, когда лунный свет падал на лицо, Тихон поднимался и лез головой в печь, стремясь выйти на крышу. Тут вспомнились всякие рассказы о лунатиках, которые ходят с закрытыми глазами по крышам и карнизам. Но если разбудить их, то они падают. Сказали Стрелову, он ответил, что такой болезни нет. Но факт остаётся фактом. Стали следить за лунным ходом и плотно занавешивать окно.

П.Д. Стрелов был замечательным человеком из местного русского населения. Его отец, по другим вариантам – дядя, купец-скотопромышленник Д.А. Стрелов был меценатом. Он активно поддерживал путешественников и исследователей. До недавнего времени у остановки «Гимеин» сохранялся дом (в последние годы с одним деревом), который назывался «Дача Стрелова». Здесь три раза останавливался знаменитый А.В. Колчак, когда ехал и возвращался из экспедиций на Новосибирские острова, где он, кстати, впервые в натуре обнаружил подводную мерзлоту, а позже искал погибший отряд Э.В. Толля. Это было до того, как он стал «Верховным правителем Российского государства» в Сибири. Сын Д.А. Стрелова, Ефим Дмитриевич, был археологом, архивистом, активным членом Русского географического общества, имел золотую медаль РГО за работы по якутскому фольклору.

Павел Дмитриевич очень заботливо относился к нам. По своей инициативе выписывал рыбий жир для подкормки. Будучи в командировке в Москве, он привёз мне очки в красивом футляре, «подбрасывал» дрова, лёд, старался улучшить жилищные условия. Весной во дворе освободилась квартира в коопинсоюзозовском доме, он выхлопотал её нам. Наконец-то у нас появилось отдельное жильё, хоть и в полувросшем в землю доме – вполне жилая комната, куда можно было поставить две кровати и стол для занятий, своя плита, комнатка-столовая, куда можно втиснуть топчан, чулан и сени с отдельным входом, где хранились дрова и уголь.

Стреловы жили в соседнем дворе. Жена его тоже была чудесной женщиной, домохозяйкой. Несколько болезненно полноватый сын закончил школу №9 и уехал учиться в Томск в политехнический институт. Летом 1947 г. откуда-то с запада приехали две дочери врача от первой жены. У старшей был хромоногий муж-делец. У младшей – тюлистый рыжеволосый муж по имени Лорий, комсомольский работник, и голубоглазый хорошенький мальчик.

Жизнь в городе оживала. При «Холбосе» открылся коммерческий магазин, где продавалась колбаса без карточек; мама иногда покупала немножко, чтобы подкормить нас, особенно во время экзаменов. Имея деньги, можно было жить уже хорошо. Но медсестринская зарплата была мизерна. Мама пыталась шить всякую мелочёвку – детские торбозки, тапочки, рукавицы, носовые платочки, всё это вышивалось, получало приличный вид и в воскресный день шло на рынок. Но это приносило мало денег. Ходким товаром были остатки нашей московской «прежней роскоши» – цветные нитки «мулине», особенно «блестящие ленинградские». Так как жизнь была скудна, то многие женщины старались украсить свой быт вышитыми изделиями. Но мама берегла эти нитки, так как сама вышивала, а главное – они были памятью прежнего счастья. Узелочек этих «мулине» сохранился у нас до сих пор.

Во время войны в городе преступлений было мало. Можно было по городу ходить всю ночь спокойно. Но с прибытием демобилизованных мужчин обстановка начала обостряться. Появились рассказы о «чёрной кошке». Якобы ночью раздаётся под дверью жалобное мяуканье. Добрые хозяева открывают двери – и тут врываются грабители.

Криминогенные признаки появились и в нашем дворе. Во второй половине нашего дома жило семейство Котельниковых. Хозяин, благообразный старик, был главным бухгалтером Коопинсоюза, уважаемым человеком. Но вот вернулся из армии его старший сын, и начались дебоши. В конце концов, любимое чадо ударило отца по голове табуреткой и он лишился ума. Мать выпила денатурат и ослепла. Жена младшего сына была продавщицей в главном гастрономе города, и по ночам переносились какие-то ящики. Слава

ЯКУТИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

богу, нас не трогали. Мама даже приняла как-то роды у невестки, так как «Скорая помощь» опаздывала. Родился крепкий мальчишка Вадик.

В правом крыле поликлиники жила уборщица Калеватых со своим мужем-старичком. К ней приехал здоровый демобилизованный сын с женой и поступил на работу на молокозавод. Солдат что-то не поладил с отчимом, поставил вопрос о разводе матери, разразился скандал. В пылу гнева старик стал выкрикивать слова, что если пасынок будет вмешиваться в их жизнь, то он заявит куда надо, что тот крадёт продукцию с молокозавода. Оказывается, этот бывший защитник Отечества сделал себе набедренные бидоны и выносил в своих галифе сметану с завода. Развод был отложен.

Поток демобилизованных с каждым годом увеличивался. При этом некоторые возвращались не с пустыми руками. Заместитель маршала Г.К. Жукова по хозяйственной части генерал Астапенко написал очень интересную книгу о снабжении армии. В частности он писал, что после окончания войны были созданы бригады столяров, которые в срочном порядке делали чемоданы для отъезжающих. Было разрешено брать трофейные вещи.

Однажды мы случайно оказались свидетелями возвращения солдата в с. Хатассы. Сидели с мамой в гостях. Вдруг входит парень с Восточного фронта. Всеобщая радость. Воин открывает чемодан и начинает раздавать подарки, в основном китайского происхождения. Помню, как зарделась юная сестра солдата, когда он накинул на её плечи цветастый платок. Мой муж рассказывает, как его двоюродной брат Осип приехал с Германии с двумя плюшевыми ковриками, которыми потом тыкали его в глаза парторги. Только наш дядя Дмитрий Устинович вернулся без ничего. Но это было начало демобилизации.

В конце 40-х годов начала поступать помощь и из Америки – может быть ношенная, но вполне приличная одежда. Впервые мы об этом узнали от нашего нюрбинского знакомого П.П. Гаврильева, который на время приютился у нас. Он работал в Министерстве социального обеспечения. Однажды он приходит радостный и показывает роскошные брюки. Тогда мы увидели такую новинку, как молния.

Работавшая в этом министерстве наша добрая знакомая Анна Васильевна Потапова шепнула маме, что появилась партия американской помощи, которая предназначена для инвалидов, и посоветовала ей обратиться к тогдашнему министру Г.С. Фомину. Мама получила разрешение и выбрала со склада мне ручную вязаную жакетку, которую я и проносила в школе.

Через год снова прибыла американская поддержка: маме дали два платья и пиджак. Одно платье было чёрное, шерстяное, с белыми кружевами по груди и поясу. При нашей убогой жизни оно показалось мне слишком экстравагантным, хотя можно было носить как вечернее. Короче говоря, я отказалась, и мы его продали. Второе шёлковое платье пригидилось мне для выпускного вечера и далее, в студенческой жизни. Серый, в мелкую клеточку пиджак был очень элегантен, но узок. К сожалению, с ним тоже пришлось расстаться.

Вернулись с войны некоторые наши знакомые. Прибыл мамин родственник по первому мужу Роман Уваровский. Это тот, из-за которого погибла мамина свекровь, спеша на проводы своего племянника и заблудившись в лесу. С уважением встретили врачей-якутян, военных хирургов Тимофея Егоровича Сосина, дошедшего до Австрии, Гордея Ивановича Томского (известный глазной врач), Петра Петровича Габышева, Сергея Мигалкина (директор ЯФАШа) и др. Будущий доктор филологических наук Николай Климович Антонов прошёл войну фельдшером. Но многие якутские врачи погибли: А.Е. Малгин, Д.Т. Брыскаев, Д.Е. Терентьева, Г.Г. Колесов, Б.Одинцов, В. Павлов, Перфильев и др.

Особое восхищение вызывали участницы войны – женщины: Екатерина Захарова из Амгинского района (санитарный лётчик, Кайгородова из Мегино-Кангаласского района (лётчик-бомбардировщик, к сожалению, погибла), Анна Нектеяева из Олёкминского р-на (связистка) и др. Однажды мы попали у своих знакомых на чествование их родственницы, вернувшейся с фронта. Это была Мария Афанасьевна Слепцова из Намского района. В молодости она уехала домработницей с семьёй врача в Новосибирск. Там она потом учи-

лась. С началом войны ушла добровольцем в действующую армию. Была и санитаркой, и поваром. Вернулась в Якутию с сыном, муж погиб. Они поженились с вышеупомянутым Уваровским, родилась дочь. У Романа в Якутске был дом по ул. Октябрьской. Семья жила хорошо, но Роман рано умер. Больная Мария с двумя детьми очень бедствовала. Работала вначале в Якутске, затем уехала в Намский район.

Отголосок войны в Якутске тянулся до моего отъезда на учёбу в Москву. Свидетельством тому было существование ещё лимита на продовольствие, и хотя 14 декабря 1947 г. вышло постановление СМ СССР и ЦК ВКП (б) об отмене карточек на продукты и промтовары, разного вида талоны были ещё более года. Наконец, в 1949 г. всё выровнялось. Я уехала из Якутска. Было и радостно, и беспокойно за маму. Как она будет жить? Ей было тогда уже 56 лет. Пока она оставалась в квартирке по ул. Попова. Я отбыла на учёбу, Тихон вскоре ушёл в армию. Оставшись одна, мама даже стала сдавать маленькую комнатку-кухню молодым людям.

Но в начале 50-х годов наш благодетель Павел Дмитриевич Стрелов вышел на пенсию и уехал на запад, а затем и на юг. Работал врачом в курортном районе Гагры на Черноморском побережье (с. Очимчири в Абхазии). Мама попросила меня написать ему благодарственное письмо. В поликлинику Коопинсоюза пришла новый главный врач Березовская. Высокомерная, болтливая женщина, любившая подхалимов. Понадобилась, конечно, «своя команда». Маму освободили от работы, а вскоре потребовалась и «казённая» квартира. Тогда служебное жильё было строго закреплено за учреждением, а не передавалось горсовету, как сейчас. Так, опять у мамы начались бесконечные переезды из квартиры в квартиру, вплоть до 1957 г., т.е. до реабилитации моего отца.

